

ПЕРЕД АЛТАЕМ (АНДРЕЙ БЕЭР И ИОГАНН УЛИХ В 1740 г.)

И.Н. Юркин

Тульский государственный университет

Оба имени, вынесенные в заголовок этой статьи, оставили след в индустриальной истории России и в истории промышленного Алтая, в частности.

Андрей Венедиктович Беэр показал себя талантливым организатором производства, в течение ряда лет с успехом прилагавшим знания, опыт и энергию на важнейших государственных металлообрабатывающих и металлургических предприятиях России: заводах Сестрорецком, Тульском, Колывано-Воскресенском, Барнаульском. Второй, гиттенфервальтер Иоганн Готлиб Улих – выделяется тем, что был одним из трех мастеров (прочие двое – берг-гиттенмейстер И. Юнгганс и берг-лейтенант С. Христиани), которым принадлежит честь выплавки первого на Алтае золота.

И Беэр и Улих прибыли на Алтай, имея за плечами солидный производственный опыт. Траектории их биографий сблизились уже давно. Несколько последних лет оба служили в Туле, в структурах управления ее оружейным комплексом. Настоящие заметки – материал к истории именно этой их деятельности, потомками, к сожалению, по достоинству не оцененной и неизученной.

Документальной основой исследования служат два дела, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области (далее ГАТО), в фонде Тульского оружейного завода. Они содержат документы делопроизводства Тульской оружейной конторы, в ведение которой входило управление как Тульской оружейной слободой (казенными кузнецами, работавшими в собственных мастерских – в это время основного звена в здешнем производстве), так и принадлежавшими государству Оружейным двором и двумя (Верхним и Нижним) Оружейными заводами. Во главе Оружейной конторы находился Беэр, Улих же состоял в администрации заводов и Беэру подчинялся [1].

Документы Тульской оружейной канцелярии/ конторы [2] в архивном фонде завода присутствуют лишь в малой доле былого их изобилия. Тем более интересно изучение сохранившихся. В данном случае наше внимание привлекло обширное (297 листов) дело 1740 г., содержащее переписку

Тульской конторы с администрацией заводов и выборными лицами системы слободского самоуправления. Большая часть документов касается изменений наличного состава оружейников в связи, преимущественно, с двумя обстоятельствами: их побегами и смертью. Взятое изолированно, каждое из подобных событий для «большой» истории малозначительно. Но в совокупности они составляют заметный и достаточно значимый элемент коммунального и производственного быта оружейной Тулы того времени.

Для администрации (включая Беэра и Улиха) управление этим бытом являлось важным аспектом ее деятельности. Структура оружейного комплекса давно сложилась, правила взаимодействия отдельных его звеньев были выверены десятилетиями. Это подразумевало весьма качественную отработку своих профессиональных ролей его руководителями: от них требовались не только инициативы по его реформированию с целью совершенствования, но и эффективное повседневное управление – взвешенное и внимательное реагирование на динамично меняющуюся ситуацию. Эта «текучка» отнимала время и силы? Верно. Но людям с большим потенциалом она же предоставляла возможность проявлять умения и навыки руководителя в не особенно благоприятствующих этому условиях – неэкстремальных, изо дня в день воспроизводившихся. И этот аспект (производственная и управленческая повседневность) представляется нам в исследовательском плане весьма важным – как для воссоздания полнокровной картины исторического бытия, так и для решения множества менее масштабных задач, в частности, для реконструкции служебной биографии отдельных втянутых в это бытие исторически значимых лиц.

Посетивший в свое время Тульские оружейные заводы в порядке их инспекции и тогда еще хорошо ознакомившийся с положением дел, Беэр выступил одним из разработчиков предложений по модернизации здешнего производства. Положенные в основу представленного императрице доклада Кабинета министров,

они были утверждены ею 22 сентября 1737 г. В установленных тогда же штатах оружейной администрации (в Сестрорецке и Туле) первым ее тульским чиновником (первым и по порядку номеров и по оплате) значился советник «полковничья ранга» с окладом 763 рубля [3]. На эту должность назначили А. Беэра.

Его заботы, если судить только по привлекаемым документам, были довольно однообразны и весьма приземлённы. Наши источники (разумеется, далеко не исчерпывающе отражающие диапазон служебных занятий первого лица Оружейной конторы) позволяют выделить лишь следующие три направления деятельности:

а) Регулирование режима труда и борьба за его исполнение

Режим труда – единственная затронутая в привлеченных документах стороны работы по организации трудового процесса – работы, для Беэра, несомненно, важной, а в некоторые моменты становившейся по значимости первостепенной.

Присутствующие в источнике сведения говорят о пришедшемся на это время ужесточении режима. Свидетельством этого явилось, в частности, данное Беэром 16 марта 1740 г. распоряжение «во Оружейном каменном дворе оружейным мастерам при починке ружья быть неотлучно» [4]. В середине – второй половине 1730-х гг. воевавшая сначала с Польшей [5], а позднее с Турцией, Россия еще не привела вооружение своей армии в необходимое (с точки зрения военного руководства) состояние. Трудности, сопровождавшие выполнение оружейниками и без того напряженных производственных заданий, усугубила реформа, с осени 1737 г. постепенно охватывавшая Тульский и Сестрорецкий заводы. Беэровское распоряжение, запретившее казенным кузнецам покидать Оружейный двор, практически реализовывало указ Кабинета министров «на Тульских оружейных заводах оружейными мастерами ружье делать денно и ночью с великим поспешением». Мастера отнеслись к этим ограничениям по-разному, смирились с ними не все. В отразившем положение дел распоряжении Оружейной конторы от 18 марта 1740 г. (подписанном Беэром), отмечалось, что некоторые, «не взирая на то, от работ оружейного дела отлучаются» [6]. Терпеть подобную недисциплинированность в сложившейся ситуации было недопустимо.

Первым под горячую руку попался замочный отдельщик Григорий Ставчиков, определенный на Оружейном дворе к починке замков. Презрев запрещение отлучаться и не испугавшись караулов при воротах, он преодолел окружающую двор стену и со двора успешно бежал. Впрочем, уже на следующий день посланный за ним солдат Петр Федоров беглеца обнаружил (тот не скрывался – находился дома) и привел в Оружейную контору. Сюда же поступил составленный оружейным старостой рапорт. На допросе задержанный от факта побега отпираться не стал, но ничего вразумительного в свое оправдание не сказал. Сообщил только, что никто его не подговаривал, что других беглецов он не видел, что казенного имущества, в частности, инструментов, с собой не брал [7]. Вынесенное Оружейной конторой решение (его также подписал Беэр) гласило: «Ставчикову за побег от оружейного дела ... учинить наказание кошками нещадно, дабы ему и другим впредь того чинить было неповадно. И по учинению наказания, взяв с него подписку, чтоб ему впредь того не чинить, из-под караула свободить. И быть при починке на Оружейном каменном дворе замков безотлучно» [8]. На фоне экзекуций, о которых будет упомянуто ниже – наказание назначалось достаточно милостивое. Оно и понятно: отсутствие оружейника на рабочем месте оказалось коротким, отлучился он недалеко. Ставчикова и наказали соответственно: отчасти за проступок, но больше в назидание остальным.

б) Деятельность, связанная с управлением казенным имуществом

В рассматриваемом архивном деле большая часть документов носит персонально ориентированный характер: посвящена конкретным людям – их поведению, деятельности, отношениям с социальными институтами и другими людьми.

Поэтому естественно, что названный аспект деятельности (управление имуществом) отражения в них почти не находит. Единственный эпизод, имеющий к нему отношение, связан с имуществом выморочным – оставшимся от капрала Ивана Шерснева, прикомандированного к Вальдмейстерскому правлению для смотрения и хранения государственных засечных лесов. Это правление в начале марта 1740 г. сообщило Оружейной конторе о смерти Шерснева и запросило, что делать с оставшимся от умершего казенным оружием

и амуницией. Контора прореагировала оперативно: подписанным Безром решением от 15 марта 1740 г. приказала это имущество – «фузей с штыком с нагалищем с трещеткой и пыжевником, суму с перевезью и с патроны, и с протчее» – не трогать, хранить при Вальдмейстерском правлении, дабы позднее передать лицу, которое займет место Шерснева [9].

в) Работа с кадрами

Немалую часть служебного времени Безром занимала разнообразная работа с кадрами. Привлеченные документы характеризуют следующие ее направления: розыск и наказание беглых, наказание лиц, допускаявших проявление других форм девиантного поведения, рецепция лиц, передаваемых в ведение Оружейной конторы, регулирование вопросов, связанных с освобождением по возрасту от обязательного труда, организация доставки подведомственных лиц в Москву по вызову вышестоящих организаций.

Начнем с побегов и беглецов. Нарушения трудовой дисциплины, в том числе сопряженные с побегами прогулы, в среде тульских кузнецов являлись явлением широко распространенным – во всяком случае, в период особенно напряженной трудовой вахты. Напомним, что оружейники принадлежали к сословию казенных (государственных) ремесленников и обязаны были трудиться в соответствии с закрепленной за ними профессиональной специализацией. Покидать Тулу без разрешения им было запрещено. Тем не менее, некоторые покидали.

В бега отправлялись представители разных категорий постоянного и временного населения Тульской оружейной слободы [10]. В рассматриваемое время едва ли не самыми беспокойными были так называемые школьники – ремесленная молодежь, присылавшаяся в Оружейную контору из Тульской провинциальной канцелярии (куда направлялась Московской губернской канцелярией) для организации трудового ее обучения мастерами слободы. В 1740 г. в Тульской оружейной слободе их было не менее сотни [11]. «Тех школьников, – подчеркивает документ, – от господина генерала-фельтмаршала и разных орденов ковалера графа фон Миниха непрестанно требуетца в полки к починке ружья» [12]. Так что обеспечение должного уровня трудовой дисциплины среди лиц данной категории, временно подведомственных Оружейной

конторе, было для ее руководства задачей ничуть не менее важной, чем в отношении коренного населения слободы.

В рассматриваемом 1740 г. только школьников бежало из Тулы не менее 22-х человек. Некоторые в течение года успевали убежать дважды, так что всего их побегов по тем же источникам насчитывается 27. В дорогу толкало желание повидаться с семьей и родственниками, жажда приключений, тяжелая однообразная работа, трудные условия жизни в чужом городе, случавшиеся задержки с выплатой содержания, недоедание, притеснения мастеров... Известны случаи, когда детей сманивали подговором. Так произошло, например, с двумя школьниками, отправившимися в мае этого года «для житья на Дон» вместе с казаками – те довели их, впрочем, только до Епифани, где отняли все деньги (20 копеек) и бросили на произвол судьбы [13]. Беглецам было от 13 до 17 лет от роду; половину из них составляли 13-летние, в наименьшей степени осознававшие последствия своих поступков. Большинство побегов – около трех четвертей – предпринималось в теплую треть года. В дорогу отправлялись в одиночку и группами. Большинство далеко не уходило: для длинных путешествий не было ни средств, ни навыка бродячей жизни. Только немногих судьба забрасывала в дальние края и надолго. Так, один из искателей воли и приключений – учившийся на приборного отделщика школьник Иван Боголепов – оказался даже в действующей армии: странствовал с нею год, участвовал в походе в Хотин и Яссы [14].

Стоило ответственным лицам в слободе или на заводе обнаруживать утечку кадров, делу придавали официальный оборот. Начиналось с подачи известия (рапорта) о происшествии в Оружейную контору. Дальнейшие действия определяла лаконичная резолюция, писавшаяся на рапортах ее главою (например, по поводу одного побега мая 1740 г.: «Записав, публиковать и куда надлежит репортовать» [15].

Публиковать – означало публично огласить особый документ (*билет*), сообщавший о происшествии, оповещавший приметы беглеца и призывавший население содействовать его поимке: «ежели кто вышеписанных школьников ... где увидит, те б, изловя, приводили в Тульскую оружейную кантору немедленно» [16]. Собственно публикацию (оглашение билета) выполняли

низшие конторские служащие. Она проводилась в нескольких (от двух до четырех) «пристойных» (выражение источника [17]) местах. На черновике одного из билетов 1740 г. сохранилась помета, содержащая, по-видимому, стандартный для Тулы список таких мест: «на Студенках, на Никольском перекреске, за рекою на площади – таковы билеты и во оных местах публиковал писарь Иван Минин» [18].

Кроме того, о побегах школьников сразу же сообщали в Москву, всегда в губернскую канцелярию (откуда их отправляли в Тулу), реже еще и в канцелярию полицмейстерскую, способную оказать помощь в поимке. Оставалось ждать возвращения. Возможны были два варианта: беглецы возвращались сами или же их задерживали. Контингент потенциальных поимщиков отличался разнообразием. Среди лиц, упомянутых в наших документах, мастер, пустившийся вдогонку за обокравшими его учениками, постовые на заставе (в Декилове), школьник, схвативший возвратившегося в Тулу собрата и доставивший его в Оружейную контору. Известен случай, когда на поиски беглеца отправился, получив соответствующее разрешение, родной его брат [19].

Помимо организации розыска (осуществлявшегося, иной раз, не без фантазии и нередко успешного), в функции администрации входило наказание оступившихся. Наказаны – в разной, разумеется, мере – бывали все: и вернувшиеся самостоятельно, и возвращенные принудительно. Тяжесть наказания соизмерялась с тяжестью проступка. Можно гадать, какую роль при этом играли мнение и воля Беэра, но несомненно, что именно за ним оставалось последнее, решающее слово – его рукой подписаны все распоряжения Оружейной конторы, определявшие характер экзекуции.

Документы упоминают следующие наказания (все – болевые), которым подвергали пойманных беглецов.

Самое легкое – *кошками*. Оружейная контора назначала его при наличии смягчающих обстоятельств (юный возраст, добровольное возвращение, сколько-нибудь оправдывающая проступок причина). Именно ему «при собрании обретающихся при науке оружейного мастерства школьников» были подвергнуты упомянутые двое сотоварищей, которых склонили к побегу на Дон безответственные и корыстные казаки [20].

Если оправдывающих аргументов не обнаруживалось, назначалось *кнутование*. Такому наказанию был подвергнут также уже упоминавшийся 17-летний приборный отдельщик Иван Боголепов, ушедший за приезжавшими в Тулу для приема оружия солдатами, побывавший с ними в походах против турок, приехавший в Москву, сменивший там, «заведомо что беглой», хозяина и лишь оттуда доставленный в Тулу. Боголепов отсутствовал больше года, задержан был в столице случайно (оказавшимся там тульским вальдмейстером) – оснований для смягчения ему приговора у Беэра не находилось. О заключительной странице истории его путешествия узнаем из пометы на определении Оружейной конторы: «По сему определению означенному Боголепову наказание учинено мая 3 дня 740 году кнутом на трех рынках по пяти ударов» [21].

Наиболее тяжелым являлось наказание *шпицрутенами*. Если судить по нашему источнику, в 1740 г. соответствующие бумаги Беэр подписывал трижды. Первое определение, от 16 июля, касается четырех школьников, отправившихся в Москву для свидания «с отцами и матерями», но ушедших недалеко – они были задержаны, «не дошед Вашаны» [22], оружейным мастером, одного из них обучавшим. Хотя мотивация побега могла вызвать сочувствие, у двух беглецов (Бровкина и Бегунова) были и отягчающие обстоятельства: один бежал уже в третий раз, а другой, хотя и впервые, но прихватив из хозяйского имущества «кесею с золотым позументом да шелковой платок» [23]. Подписанное Беэром по поводу четверки распоряжение гласило: «собрав всех обретающихся у обучения слесарного мастерства школьников и ландмилиц и поставя регулярно, прогнать шпицрутен». Наказание учитывало тяжесть содеянного: Бровкина и Бегунова следовало прогнать шесть раз, прочих четыре. «И по учинении наказания, – продолжает определение, – испод караула свободити, отдать их для обучения слесарной науки к прежним мастерствам и велеть обучать с прилежанием» [24].

Факты рецидива запретного поведения являлись первейшим основанием для применения наиболее жестких мер наказания. В том же июле с Оружейного двора бежал 20-летний замочник тульский житель Семен Чулковцов. Намучившись в дороге (пришлось ночевать в поле), где-то

близ Дедилова он решил возвращаться, возвратился, явился в Туле к отцу, а тот сдал его властям. Прежде Чулковцов уже «от оружейного дела самовластно отлучался в город Богородицк и был в разных местах недели с три». Решение по его делу вынесено Безром 17 июля – на следующий день после вердикта в адрес четверки задержанных школьников-москвичей. Совпадение времени и почти полное сходство проступков предопределили равенство наказаний: «за двоекратную от команды отлучку» Чулковцову велено было «учинить наказание по силе прежних определений: собрав обретающихся в Туле у оружейного мастерства, також школьников и ландмилицов пятьсот человек и поставя регулярно», прогнать его шесть раз, «дабы ему и другим чинить впредь было неповадно» [25]. Ценная подробность в этом тексте – численность исполнителей экзекуции. Наказание Чулковцова было учинено 18-го, в один день с упомянутыми ваше москвичами, поэтому есть все основания полагать, что и их прогоняли сквозь тот же, в 500 человек, строй.

Третий случай использования шпицрутенов имел место всего через 10 дней после описанного. Схожесть проступков и на этот раз автоматически требовала сходной на них реакции. Нарушитель – школьник Тимофей Шорников – усугубил вину по полной программе: и мастера Арехова обокрал (унес шапку, кушак, две рубашки, включая одну женскую, и проч.), и в побег ушел повторно. По полной программе последовало и наказание: шпицрутены шестикратно сквозь строй в 500 человек [26].

Но телесным наказанием инцидент обычно не исчерпывался. Квалифицированный оружейник (да и не особенно квалифицированный – например, школьник) представлял несомненную ценность в качестве работника, в связи с чем все провинившиеся после наказания отправлялись на принудительные работы. В наших документах этот этап именуется ссылкой – впрочем, во всех документально зафиксированных случаях ссылка была не дальней, проходила по месту проживания. В случае незначительных проступков отправляли на Оружейный двор. При проступках более серьезных местом ее отбывания назначались вододействующие Оружейные заводы. Коренные оружейники своей волей идти на них не желали (предпочитая работать в собственных

мастерских), в связи с чем для обеспечения производства рабочей силой приходилось использовать принуждение. В связи с этим достаточно типичными были приговоры Оружейной конторы, подобные следующему, вынесенному в адрес Ивана Боголепова: «по учинении наказания отослать его в местосылки вододействующие фабрики к сверленью, которому при том быть сверленью вечно» [27].

Хлопоты, связанные с воспитанием беглецов, не исчерпывали кадровую работу Безра, какой она предстает перед нами из привлекаемых документов. Можно отметить еще несколько аспектов этой работы:

- борьбу с другими социально опасными формами девиантного поведения (пьянство, «непристойные речи» и проч.) [28]. Конечно, ведомство Безра не могло полностью заменить собою полицейскую службу. Но в отдельных случаях соответствующие функции в отношении тульских жителей, ему подведомственных, Оружейная контора исполняла;
- рецепция лиц, присоединяемых к обществу оружейников (в частности, определение на заводы мастеровых, явившихся в Тулу из других мест [29];
- работа с лицами, освобождаемыми от обязательного труда (по возрасту, вследствие заболеваний и проч.), в частности, выдача паспортов престарелым [30];
- первичная работа с лицами, объявившими «слово и дело государево»: их арест, содержание под стражей, организация доставки в Москву [31].

Часть адресованных Безру документов с завода – в основном, извещения о побегах – подписана, как уже говорилось, И.Г. Улихом. Всего в рассматриваемом деле имеется 7 направленных в Тульскую оружейную контору рапортов Улиха, охватывающих период от 20 января по 13 декабря 1740 г. В одном случае он назван полным в нерусифицированной форме, именем Иоанн Готлиб Улих [32], в остальных указана только фамилия. Именование его должности и чина – в большинстве случаев «оружейных фабрик гиттенфервалтер». В самом раннем рапорте он более развернутое: «обретающийся при оружейных вододействующих фабриках гиттенфервалтер» [33].

Большая часть улиховских рапортов – пять из семи – сообщает о смерти мастеровых.

Их специальности (ствольные вертельщики и молотобоец) и общий контекст документов склоняют считать, что все они – бывшие работники двух существовавших тогда в Туле казенных Оружейных заводов. Именно последние, под названием «оружейных фабрик», фигурируют в приведенном выше именовании должности Улиха. В справедливости этого утверждения убеждаемся из присутствующего в документах выражения «тульские оружейные вододействующие оружейные фабрики» – такое сочетание признаков в индустриальном комплексе Туле этого времени соответствовало только принадлежавшим государству Оружейным заводам на Упе. Административная работа Улиха связана непосредственно с ними: так, в данном случае он просит «определить к тем фабрикам в молотобойцы» мастерового взамен умершего [34].

Улих был промежуточной из инстанций, задействованных в процедуре, проводившейся в подобных случаях. О событии ему рапортом или сказкой сообщал ствольного дела староста [35] (вариант: ствольных вертельщиков староста [36]) или определенный к смотрению над мастеровыми солдат [37]. Обязанность Улиха состояла в оповещении о происшествии в Тульскую оружейную контору с целью внесения сведений в ведущиеся ей списки оружейников и, при необходимости, обеспечения замены выбывших.

Два улиховских рапорта касаются побегов. В первом, от 20 января, сообщается о ствольном вертельщике Герасиме Копылове. Он загулял 26 декабря 1739 г., не появлялся на рабочем месте вплоть до 18 января, когда для розыска его и возвращения к работе за ним был послан особый солдат. Найденный Копылов был приведен на заводы и «за небытие ево к работе при Оружейных заводах» наказан. (Этот эпизод, между прочим, свидетельствует, что администрация заводов, несмотря на наличие в Туле занимавшейся нарушителями трудовой дисциплины Оружейной конторы (структуры, для нее вышестоящей), не была обделена определенными правами, давшими и ей возможность на таких нарушителей воздействовать, а именно, наказывать их, не обращаясь за санкцией в контору).

Но многодневным прогулом прегрешения Копылова не исчерпывались. Иван Исаев, приказчик заводчика Максима Мосолова, объявил, что Герасим отнял

деньги, два с половиной рубля, у некоего крестьянина, получившего их за выполненную для Мосолова работу [38]. У Копылова был произведен обыск, в ходе которого действительно обнаружили капитал в сумме 1 рубль 65 копеек. По-видимому, материальное благосостояние его владельца было в целом таково, что находка даже столь мизерной суммы вызвала подозрение в незаконном ее происхождении. Во всяком случае, Улих счел необходимым сообщить о ней в Оружейную контору, а заодно препроводить в нее Копылова «для подлинного допросу и наказания». В конторе распорядились Копылова допросить, после чего, «справясь, выписать» подходящие к случаю законоположения и «предложить» дело к слушанию [39]. В допросе Копылов во всем сознался, но пытался оправдаться тем, что все три недели жил в Туле и беспробудно пьянствовал. На следствии всплыл еще один, старый, его побег – тогда он отсутствовал целых три месяца, «жил по разным деревням» [40]. Копылова спасло отсутствие иска со стороны ограбленного им крестьянина, а также острая потребность в квалифицированных кадрах («к тому ж ныне в мастеровых людях при Оружейных заводах при деле по силе именных ея императорского величества указов ружья ж обстоит нужда»). Оружейная контора ограничилась наказанием его «при собрании протчих мастеров кнутом нещадно». Соответствующее определение заканчивается распоряжением проинформировать о нем Улиха и подключить его к дальнейшему воспитанию нарушителя: «по учинени[и] того наказания ево, Копылова, ис-под караулу свободить и отослать на работу на Оружейные заводы к сверленью стволов; и о том к гитенфервалтер Улиху для ведома послать указ и при том велеть со оногo Копылова взять подписку, чтоб ему впредь от работ самовольно не отлучатца, и не воровать, и с воровскими людьми не знатца» [41]. Улиху соответствующий указ из Оружейной конторы был послан 6 февраля [42].

Судя по документам, именно Улих отвечал за исполнение следовавшего за телесным наказанием второго пенитенциарного мероприятия – принудительных работ, если, разумеется, местом их назначались Оружейные заводы. Это достаточно ясно демонстрирует приговор, вынесенный в конторе Ивану Боголепову и следующими словами изложенный в ее указе Улиху от 5 мая:

«отослать ево в место ссылки на вододействующие фабрики к сверлению стволов, при котором сверление быть вечно безотлучно; и имя ево написать с прочими в список; и за сверление стволов заработные деньги производить ему с прочими вертельщики». Кто же всем этим должен заниматься? Ответ имеется: «и гитенфервалтеру Улиху учинить о том по сему ея императорского величества указу». Далее следует известие, что Боголепов к нему уже послан [43].

Вернемся, однако, к Герасиму Копылову, вскоре после описанных выше событий снова оказавшемуся в центре внимания Безра и Улиха. 2 июня рапортом в Оружейную контору Улих сообщил, что «определенной при Верхних оружейных вододействующих фабриках ствольной вертельик Герасим Степанов сын Копылов мая с 3 по 7 число 740 года к работе не явился; которой был сыскан, и наказан батоги, и скован был в железы. И того ж мая 25 дня оной Копылов, скованой, с заводов ушел незнаемо куда и по многим посылкам не найден. И знатно, что он бежал». Для предстоящей публикации Улих сообщал приметы беглеца: «оной Копылов ростом средней, волосы черные, глаза черные, лицом щедроват» [44]. Уже 4 июня за подписью Безра был составлен публикационный билет, а вслед за этим в трех местах учинена сама публикация, касавшаяся нашего вертельщика и еще двух беглых, из числа школьников, а именно, замочников Ивана Петрова и однофамильца Герасима Копылова по имени Степан [45]. Через неделю по поводу беглецов была составлена промемория в Московскую полицмейстерскую канцелярию, в которой, между прочим, было отмечено, что Герасим Копылов прежде уже наказывался за побег кнутом. Отмечалось и крайне напряженное положение, сложившееся в Туле с квалифицированными кадрами: «в деле по силе именных ея императорского величества [указов] на армию ружья в мастеровых людях здесь обстоит немалая нужда» [46].

Сведений о результатах кампании по поимке Копылова нам отыскать не удалось. Но не приходится сомневаться, что наказание его, будь он пойман, было бы жестоким.

Итак, на Улихе во время его работы на Тульских оружейных заводах лежал текущий персональный учет занятых на них кадров, наказание работников, совершивших незначительные проступки, извещение начальства о проступках более серьезных,

наконец, организация «ссылки» (принудительных работ) для тех правонарушителей, кому она назначалась.

И только? А где же, спросим, Улих – технический специалист? – тот Улих, который вскоре отправится с Безром на демидовские заводы Алтая и там на равных с другими высшей квалификации мастерами примет участие в исторических по значимости промышленных экспериментах, надолго определивших пути и формы развития цветной металлургии в этом регионе? Увы, в данном комплексе архивных материалов подобные его знания и навыки документального следа не оставили. Впрочем, и оставить, скорее всего, не могли. Поисками руд и опытными плавками вокруг Тулы в эти годы никто активно не занимался – «дровяной кризис» уже давно перечеркнул перспективы здешней металлургии. А вот на Алтае знания, по объективной причине не востребованные в центральной части Европейской России, могли пригодиться. И пригодились.

В заключение один документ, непосредственно и окончательно выводящий наших героев на Алтай. В истории их переезда туда особую роль играют два распоряжения высшей власти. Первую поездку определило решение императрицы Елизаветы Петровны, зафиксированное в указе Безру от 17 мая 1744 г. [47]. Второй документ – ее же указ от 1 мая 1747 г. о взятии алтайских предприятий А.Н. Демидова в казну, превращении Барнаульского завода в центр сереброплавильного производства Колывано-Воскресенского горного ведомства и действиях Безра по исполнению этих распоряжений [48]. Назначение Безра главой вновь созданного горного начальства означало отставку его от тульских дел. (Заметим, кстати, что в публикуемом ниже документе того же 1747 г. не сказано, что Безр покидает Тулу навсегда. Точная формулировка, идущая, вероятно, от упоминаемого в тексте указа Военной коллегии, такова: «отправлен в Сибирь для исправления горных работ, где он имеет пробыть и немалое время»). Тем не менее, необходимо было решать, кем его в Туле заменить и как поставить там дело, не рассчитывая на скорое возвращение начальника.

Публикуемый ниже указ Оружейной канцелярии от 25 мая 1747 г. касается преимущественно этого – тульского – отголоска решений, принятых в отношении

алтайских предприятий. Для оружейной Тулы последовавшие за этим события оказались достаточно важными. Заменить Безра было поручено возглавлявшему размещавшуюся в Сестрорецке Оружейную канцелярию бригадиру Василию Федоровичу Пестрикову. По первоначальному плану вместе с Безром он должен был съездить в Тулу, получить там от своего предшественника «диспозицию», сделать все, в ней указанное (между прочим, завести новый шпажный завод) и, оставив в Туле в качестве главы Оружейной конторы майора Михаила Кошелева, а в помощь ему привезенного из Сестрорецка механика Нитцеля, вернуться на Сестру-реку. Но готовясь к поездке, Пестриков, подозревая, видимо, что она может затянуться, вскоре попросил на время своего пребывания в Туле перевести в нее и Оружейную канцелярию. Перемещения чиновников эта операция не предполагала: почти все они оставались на местах, но Тульская контора отныне должна была именоваться канцелярией, учреждение же, находившееся в Сестрорецке – конторой. Такое разрешение – в качестве меры сугубо временной, в том же 1747 г. указом Военной коллегии было дано. Но пребывание Пестрикова в Туле затянулось, а с ним – и Оружейной канцелярии, так и оставшейся с этой поры в Туле [49]. Для тульской структуры это означало повышение его иерархического статуса, Тула же из чисто производственного центра оружейного дела, превращалась еще и в центр, из которого оно управлялось в масштабе страны.

Указ публикуется по копии из рукописного сборника указов, хранящегося в том же фонде Тульского оружейного завода ГАТО. Текст отличается устойчивым неупотреблением в нем буквы «й». Учитывая, что этот признак характерен и для других вышедших из-под той же руки копий, относим его к индивидуальной манере копииста. В связи с этим в нашей публикации восстанавливаем *й* во всех позициях, требуемых современными правилами языка. Разбивка на абзацы – смысловая, в рукописи абзацы не выделены. Выделение прописными буквами императорского имени и заменяющих его словосочетаний сняты. Во всех остальных отношениях публикация произведена по правилам 1990 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В указе императрицы Елизаветы Петровны, данным Безру 17 мая 1744 г. в связи с направлением его во главе комиссии на

алтайские заводы А.Н. Демидова, Улих будет назван «обретающимся в команде вашей (Безра. – И.Ю.) поручиком» (Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. С. 258).

2. Статус учреждения изменялся. Учреждение на правах Конторы Оружейной канцелярии фиксируется в делопроизводстве с августа 1723 г. (Юркин И.Н. Управление казенным оружейным производством в русском городе в 20-х – начале 30-х гг. XVIII века // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время: Доклады 2-й науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 107; Бабич М.В., Юркин И.Н. Оружейная контора // Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года): Словарь-справочник. Кн. 3: Л–П. М., 2001. С. 221). О том, как Тульская контора стала канцелярией – в конце этой статьи.
3. Эта сумма являлась весьма значительной. На большее, согласно штату, мог рассчитывать только президент (другое именование «директор»), возглавлявший аппарат в Сестрорецке – его труды оценивались в 1000 рублей. Ближайшая в этом штате к советнику должность снизу оплачивалась более скромно: по 400 рублей полагалось секретарю (или бухгалтеру) в Сестрорецке и механику у строения в Туле (ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 19 об. Штат опубликован и в Полном собрании законов, см.: Собр. 1. СПб., 1830. Т. 10. № 7380). Впрочем, и последнюю сумму можно считать достаточно приличной – она вполне соотносилась с окладом работавших в это время в России иностранных горных мастеров (Бородаев В.Б., Контев А.В. Указ. соч. С. 246).
4. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 29. Л. 67.
5. Учитывая цели и характер войны за польское наследство (1733–1735), вернее было бы сказать «на польских землях».
6. Там же. Л. 69–69 об.
7. Там же. Л. 67, 68.
8. Там же. Л. 69 об.
9. Там же. Л. 58.
10. Из лиц, живших в Оружейной слободе в 1740 г., бежало не менее 39 человек. Причем несколько человек, будучи пойманы и наказаны, в течение того же года повторили побег (Там же).
11. Источник упоминает «присланных от оной (Московской. – И.Ю.) канцелярии ко обучению слесарного мастерства школьников 106 человек» (Там же. Л. 203 об.).
12. Там же. Л. 2.
13. Там же. Л. 124.
14. Там же. Л. 32. Крепость Хотин сдалась Б.Х. Миниху 31 августа 1739 г. после сражения при

Ставучанах; после этого, преследуя неприятеля, русские войска перешли Прут. Они покинули Молдавию в декабре того же года (Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1–2. Репр. воспр. изд-я 1840 г. М., 1990. С. 189–190 (пагинация части 1)).

15. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 29. Л. 131.
16. Там же. Л. 132.
17. Там же. Л. 139 об.
18. Там же. Л. 132 об.
19. Там же. Л. 174, 159, 14–15.
20. Там же. Л. 124 об.
21. Там же. Л. 33 об.
22. Небольшая речка к северу от Тулы, которую в 30 верстах от города пересекает дорога, ведущая в Москву. Путешествующие по ней нередко останавливались здесь на отдых. Этот остановочный пункт существовал еще в петровское время (упоминается в перечне станов между Москвой и Воронежем см.: Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 4. М., 1948. С. 391), а скорее всего и раньше.
23. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 29. Л. 174.
24. Там же. Л. 176.
25. Там же. Л. 180.
26. Там же. Л. 208.
27. Там же. Л. 33.
28. Там же. Л. 82.
29. Вот начало документа, описывающего такой случай: «1740 году ноября 12 дня Тульская оружейная кантора по промемории, присланной сего ж ноября 12 дня 740 году ис Тульской провинциальной канцелярии, приказала присланного при той промемории в Кантору оружейную тульского кузнеца Василья Васильева сына Молаховского (которой во оную канцелярию прислан из Чернской канцелярии воеводского правления) определить его, Молаховского, на Оружейные вододействующие заводы во стальную фабрику в работники на задельное, почему протчим работникам производитца, дабы он в празности не был. Хотя ж ево во время генеральной переписи при Оружейной слободе не написано, однако ж и сам он объявил, что напред сего числился в Тульской оружейной слободе, а брат ево родной, Гардей, да пляменик Иван Молаховские и поныне в Оружейной слободе при оружейном деле» (Там же. Л. 256).
30. Там же. Л. 272.
31. Там же. Л. 283.
32. Там же. Л. 99.
33. Там же. Л. 3.
34. Там же. Л. 200.
35. Там же. Л. 62, 262, 263.
36. Там же. Л. 99.
37. Там же. Л. 200.
38. Там же. Л. 3. Максим Перфильевич Мосолов (ок. 1693 – ок. 1768) входил (с братьями Алексеем и двумя Иванами) в состав

семейной фирмы, владевшей в 1740 г. вододействующими доменными и передельными заводами в Европейской части России, Мышегским (пущен в 1729 или 1730 г.), Шанским (1734), Архангельским (1738), Гиреевским (Нижнешанским) (1739) и Непложским (1740) (Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. - М., 1962. С. 128–131). Как старший из братьев, иногда выступал от их имени в единственном числе.

39. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.
40. Там же. Л. 4.
41. Там же. Л. 6.
42. Там же. Л. 7.
43. Там же. Л. 34.
44. Там же. Л. 131.
45. Там же. Л. 132, 132 об.
46. Там же. Л. 144–144 об.
47. Указ опубликован – см., в частности, публикацию (по копии из Центра хранения архивного фонда Алтайского края, г. Барнаул) в кн.: Бородаев В.Б., Контев А.В. Указ. соч. С. 257–258.
48. В выдержках (пп. 1–3, 12) этот указ опубликован в том же издании (С. 286–288).
49. Она была ликвидирована только при Екатерине II с переходом тульского оружейного производства под управление Казенной палаты Тульского наместничества (см., например, Бабиц М.В. Оружейная канцелярия // Государственность России... Кн. 3. С. 221).

Приложения

1747 г., мая 25. – Указ из Оружейной канцелярии в Тульскую оружейную контору об отправлении бригадира А.В. Безра на алтайские бывшие А.Н. Демидова заводы и о назначении на место Безра бригадира В.Ф. Пестрикова

(Л. 59) Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Оружейной канцелярии[и] Тульской оружейной канторе.

Сего мая 21 дня в указах ея императорского величества во Оружейную канцелярию писано:

1-м, ис Правительствующаго Сената:

В ымянном ея императорского величества за подписанием ея императорского величества собственныя руки сего мая 12 дня указе в Правительствующий Сенат написано:

По высочайшему ея императорского величества указу отправлен на Колывано-Воскресенской, Барнаульской и Шулбинской умершаго действительнаго статскаго советника Акинфия Демидова заводы для исправления горных работ брегадир Андрей

Безр, которому те заводы и протчие на Артыше и Оби реках и между оными все строения, какие обретаются, заведены от помянутого Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем, и с мастеровыми людьми собственными ево Демидова и с приписными крестьянами, ея императорское величество указать СООБЩАЛА взять на ея величество.

Для исправления работ на оных заводах в прибавку к тем, кои приписаны ко оным заводам, приписать Кузнецкого ведомства казенные слободы Белоярскую, Малышевскую, Бикатунскую крепость и Бирской острог, за которых подушные денги плачены быть имеют от Колывано-Воскресенского горного начальства.

А понеже, как известно, при оных заводах места к поселению людей довольные и всем потребным к житию человеческому изобилныя, и для того по рекам, близ оных заводов текущим, селить пришлых в Сибирь, кои явились по нынешней генералитетской переписи. И оные пришлые люди, чьи б они ни были, должны зарабатывать на заводах: первое, подати государственным по семидесяти копеек, другое, подати помещиковым по сороку копеек, которые от заводов отдаваться будут в казну ея императорского величества и куда надлежит, а что сверх тех податей заработают, то им плачено будет от заводу по настоящим ценам.

И во исполнение одного ея императорского величества высочайшего указа Правительствующий Сенат ПРИКАЗАЛИ // (л. 59 об.) о том для ведома в Святейший Синод и в Сенатскую кантору сообщить ведению, а в коллегии[и], канцелярии[и] и канторы, також и в губернии[и], а из губерний в провинции[и] и города, послать указы.

Во втором, из Государственной Военной коллегии:

По имянному ея императорского величества за подписанием собственным ея императорского величества руки указу сего ж мая 12 дня, в котором изображено:

Понеже де бригадир Безр по имянному ея императорского величества указу отправлен в Сибирь для исправления горных работ, где он имеет пробывать и немалое время, и для того к порученному ему, Безру, оружейному делу ея императорское величество повелевает определить из Артиллерии бригадира Василья Пестрикова,

которому велено здесь, на Сестре-реке, вновь исправленные им, бригадиром Безром, Оружейной завод и протчия работы и фабрики при нем, Безре, осмотреть, и, взяв с Тулы ево, Безра, ученика поручика Алексея Кострыкина тут приставить ко исправлению оных заводов. А ему, бригадиру Пестрикову, з бригадиром Безром по осмотру здешних заводов ехать на Тулу, взяв с собою с Сестры-реки механика Нитцеля для постройки там вновь шпажного завода. И что во оружейном деле в небытность бригадира Безра повреждение какое сделано, и недостаток в деле ружья явится, о том о всем бригадир Безр при нем, Пестрикове, должен всю диспозицию учинить, и ему, Пестрикову, показать, и потом ехать к назначенному ему от ея императорского величества делу. А бригадир Пестриков, исправляя те Тулские заводы по оной диспозиции, имеет возвратиться сюды и здесь управлять оные дела во Оружейной канцелярии. А на Тулских оружейных заводах у дела машин и приему ружья быть означенному механику Нитцелю, а во Оружейной тамошней канторе главным командиром быть мазору Михайле Кошелеву, которой и ныне тамо обретається. Все вышеписанные оружейные дела, как в заплате за работу мастеровым, так и в смотре, чтоб без умаления ружья было делано, содержать на прежнем основании и поступать по состоявшимся о том указам.

И сего ж мая 14 дня оной ея императорского величества высочайшей указ в Военной коллегии[и] оным бригадирам Безру и Пестрикову объявлен. И для исполнения, // (л. 60) куда надлежит, указом посланы.

И по оным ея императорского величества указом Оружейной канцелярии определено:

Отправленному по силе вышеозначенного высочайшего ея императорского величества имянного указа бригадиру Безру в Сибирь для исправления горных работ со определенным по силе имянного ж ея императорского величества высочайшего указу к порученному ему Безру оружейному делу из Артиллерии бригадиру Василью Пестрикову смену учинить по силе указов. И команду, тако ж и вновь исправленные им, бригадиром Безром, Оружейной завод и протчия работы и фабрики при нем, Безре, осмотреть. И по день одного бригадира Безра смены заслуженное им ея императорского величества жалованье, что надлежит, выдать от цейхвартерского правления (которое сего мая 23 числа и выдано, та смена между ими

учинена). А порутчика Кострикина к назначенному ему при Сестрорецких заводах делу по получени[и] указу тотчас отправить ис Тулы на почте, не приемля никаких отговорок, под опасением за нескорую высылку штрафа по указом.

И Тульской оружейной канторе о том ведать и чинить по ея императорского величества указу.

Маия 25 дня 1747 года.

На подлинном подписано тако: Василей Пестриков, секретарь Михаила Мизинов, подканцелярист Гаврил Закройщиков.

Секретарь Николай Мясоедов.

По листам (аверс) скрепа: С подлинным читал канцелярист Иван Сатов.

На л. 59 пометы, над текстом: № 823. Получен июня 14 дня 1747 года; там же: Копия; на левом поле: № 1022; в левом нижнем углу: № 22.

ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 178. Л. 59–60. Копия; подписи Н. Мясоедова и И. Сатова – автографы.